

ства: «Я — монархист самобытный, на свой салтык и потому глубоко верующий. Ныне идея чистой монархии переживает глубокий кризис. Понятно, эта драма отзывается на всём моём существе; я переживаю её с внутренней дрожью. Я защищал горячо эту идею на практике. Я готов иссохнуть по ней, сгнить вместе с нею...».

Этим своим словам Сергей Зубатов последовал почти буквально. 3 марта 1917 г., получив известие о падении монархии, он покончил с собой, застрелившись из револьвера. Помимо всего прочего, Февральская революция означала для него верный арест. Самоубийство избавило его от подобной участи...

ПЁТР СТОЛЫПИН

(1862—1911)

ВЗРЫВ НА АПТЕКАРСКОМ ОСТРОВЕ

12 августа 1906 г. Пётр Столыпин, месяц назад назначенный главой правительства, вёл приём просителей на своей даче, находившейся на Аптекарском острове в Петербурге.

Из подкатившей к дому четырёхместной кареты вышли и быстро зашагали к подъезду три человека, двое из которых были в форме жандармских офицеров. Это были переодетые члены боевой группы эсеров-максималистов, задумавшие покушение на Столыпина. Они хотели покарать бывшего саратовского губернатора за жестокость, проявленную при подавлении крестьянского движения. В руках максималисты бережно несли большие портфели с вложенными в них бомбами.

Старик-швейцар заметил, что жандармская форма посетителей, требовавших срочной встречи со Столыпиным, отличается от общепринятой. Тогда, оттолкнув его, они ворвались в подъезд и с революционными возгласами бросили свои портфели на пол.

Последовал сильнейший взрыв. При этом как сами максималисты, так и окружающие были разорваны в клочья. Всего погибло 22 человека, ранено 30 человек (некоторые вскоре скончались от ран). Сам Пётр Столыпин ос-

Горячие споры об этом человеке и его политике продолжались и 50, и 80 лет спустя после его смерти. Немногие государственные деятели заслужили такое пристальное внимание потомков. Как же складывалась его судьба?

Будущий глава правительства России Пётр Аркадьевич Столыпин родился 5 апреля 1862 г. в знатной дворянской семье. В роду Столыпиных строго хранились традиции дворянской чести. Когда на дуэли погиб старший брат Петра, юноша стрелялся с его убийцей и получил пулю в правую руку, которая с тех пор была почти парализована.

В 1884 г. Пётр Столыпин закончил естественный факультет Петербургского университета. Один из экзаменов принимал у него сам Дмитрий Менделеев. Дочь Столыпина Мария Бок писала об этом: «Великий учёный так увлёкся, слушая блестящие ответы моего отца, что стал ему задавать вопросы всё дальше и дальше, вопросы, о которых не читали в университетах, а над решением которых работали учёные. Мой отец отвечал на всё так, что экзамен стал переходить в нечто похожее на учёный диспут, когда профессор вдруг остановился, схватился за голову и сказал: „Боже мой, что же это я? Ну довольно, пять, пять, великолепно“».

В 1899 г. Столыпин был назначен губернским предводителем дворянства в Ковно (Каунас). Тремя годами позже 39-летний Столыпин стал самым молодым губернатором в России: сначала в Гродно, затем в Саратове.

Во время революции 1905 г. Столыпин стал известен решительной борьбой с крестьянскими волнениями в Саратовской губернии. Для прекращения беспорядков он не раз использовал войска, которые применяли самые жёсткие меры: расстрелы,

массовые порки непокорных крестьян. Руководитель одной из таких карательных экспедиций, генерал Сахаров, поселился по прибытии в Саратов в доме Столыпина. Здесь он и был убит революционерами. Самого Столыпина революционеры также приговорили к смерти.

Невольный и глубокий страх внушал губернатор саратовским крестьянам, о чём свидетельствует его дочь М. Бок: «У меня хранится любительский снимок, где видно, как папá въезжает верхом в толпу, за минуту до этого бушевавшую, а теперь всю, до последнего человека, стоящую на коленях. Она, эта огромная, десятилетняя толпа, опустилась на колени при первых словах, которые папá успел произнести». Дочь Столыпина вспоминает и такой эпизод: однажды Пётр Аркадьевич выступал перед взволнованным крестьянским сходом. Какой-то враждебно настроенный парень направился прямо к нему. Губернатор небрежно и властно бросил бунтарю свою шинель: «Подержи!». Тот, растерявшись, взял шинель и послушно держал её всё время, пока Столыпин говорил.

26 апреля 1906 г., вызвав Столыпина в Петербург, Николай II назначил его на пост министра внутренних дел — самый важный в российском правительстве. Столыпин, по его собственным словам, занял это место в «стране окровавленной, потрясённой». Оказавшись самым молодым министром в правительстве, он ярко выделялся на бесцветном фоне своих коллег. Министры, привыкшие к церемонным заседаниям, терялись среди шума и гвалта думских депутатов. Столыпин, напротив, держал себя в Государственной думе очень уверенно и часто там выступал, не обращая внимания на прерывавшие его порой свист и выкрики «Долой!», «Погромщик!». Ему нельзя было отказать в красноречии.

Признавая, что «существующие законы несовершенны», министр внутренних дел в то же время твёрдо заявлял, что их следует применять, пока нет новых. Он говорил: «Нельзя сказать часовому: „У тебя старое кремнёвое ружьё; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружьё“. На это честный часовой ответит: „Покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым“».

Столыпин не защищался и не оправдывался, как многие его коллеги-министры, наоборот — он нападал. «Тут нет ни судей, ни обвиняемых, — решительно заявлял он думской оппозиции в марте 1907 г., — и эти скамьи — не скамьи подсудимых, это место правительства». О выступлениях оппозиции он говорил так: «Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращённым к власти: „Руки вверх“. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: „Не запугаете“».

8 июля 1906 г. Столыпин, сохранив за собой пост министра внутренних дел, был назначен председателем Совета Министров. Суть своей государственной деятельности в то время он определил так: «Сначала успокоение, а потом — реформы!».

тася невредим. Однако от взрыва пострадали его дети: у 14-летней дочери Наташи были совершенно раздроблены кости ног, поэтому несколько лет она не могла ходить, а трёхлетний сын Аркадий получил лёгкие ранения в голову. Взрывом его с сестрой выбросило с балкона на землю. Старшая дочь Столыпина Мария Бок вспоминала: «Маленький Аркадий несколько дней совершенно не мог спать. Только задремлет, как снова вскакивает, с ужасом озирается и кричит: „Падаю, падаю“. Потом он спрашивал: „Что, этих злых дядей, которые нас скинули с балкона, поставили в угол?“».

Сразу после взрыва Пётр Аркадьевич, бледный, но старавшийся сохранять спокойствие, несмотря на ранения его детей, стал распоряжаться, чтобы всем остальным раненым была оказана помощь.

После покушения он вместе с семьёй по приглашению Николая II переехал с Аптекарского острова в строго охраняемый Зимний дворец. Столыпин сильно изменился после взрыва 12 августа 1906 г. Когда ему говорили, что раньше он как будто бы рассуждал иначе, он отвечал: «Да, это было до бомбы Аптекарского острова. А теперь я стал другим человеком».

П. Столыпин.

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СУДЫ

19 августа 1906 г., спустя неделю после взрыва на Аптекарском острове, в чрезвычайном порядке, минуя Государственную думу, был принят закон о военно-полевых судах. Дела в таких судах рассматривались в течение 48 часов, а смертные приговоры приводились в исполнение не позднее чем через сутки после их вынесения. Эти суды были созданы для подавления революционного движения.

За восемь месяцев военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора. Писатель Владимир Короленко отмечал, что «казни стали бытовым явлением».

Думская оппозиция подвергала военно-полевые суды резкой критике. Оправдывая эту меру, Столыпин говорил в марте 1907 г.: «Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Это, господа, состояние необходимой обороны. Оно доводило государство не только до усиленных репрессий — оно доводило до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества».

Приговоры военно-полевых судов утверждались командующими военными округами. Командующий войсками Казанского военного округа И. Карасс не подписал ни одного смертного приговора, не желая, как он говорил, «на старости лет пятнать себя кровью». С другой стороны, командующий Одесским округом барон А. Каульбарс однажды утвердил смертный приговор двум молодым людям, даже не присутствовавшим на месте события, за участие в котором их казнили. Когда одна знатная просительница стала выяснять этот вопрос, он ответил ей: «Успокойтесь, я уже нашёл действительно виновных, и они уже расстреляны».

Карикатура на П. Столыпина
(газета «Адская почта», 1906 г.).

После государственного переворота 3 июня 1907 г. и роспуска II Государственной думы желаемое успокоение было достигнуто, революция подавлена (см. ст. «Революция 1905—1907 годов»). Настала пора приступать к реформам. «Мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия», — говорил Пётр Столыпин. Путь к этим целям он видел прежде всего в укреплении государственности.

Стержнем его политики, делом всей его жизни стала земельная реформа (см. ст. «Столыпинская земельная реформа»).

Эта реформа должна была создать в России класс мелких собственников — новую «прочную опору порядка»; опору государства. Тогда России были бы «не страшны все революции». Свою речь о земельной реформе 10 мая 1907 г. Столыпин завершил знаменитыми словами: «Им (противникам государственности. — *Прим. ред.*) нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!».

Какой общественный строй возник бы в России после этой реформы? Сторонники Столыпина и тогда, и позже представляли его себе по-разному. Националист Василий Шульгин, например, считал, что он был бы близок итальянскому фашистскому строю. Октябристы думали, что это будет скорее западное либеральное общество. Сам Пётр Аркадьевич говорил в 1909 г. в одном интервью: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

Внутренний покой подразумевал подавление революции, внешний — отсутствие войн. «Пока я у власти, — говорил Столыпин, — я сделаю всё, что в силах человеческих, чтобы не допустить Россию до войны. Не можем мы мериться с внешним врагом, пока не уничтожены злейшие внутренние враги величия России — социалисты-революционеры». Столыпин предотвратил войну после того, как в 1908 г. Австро-Венгрия захватила Боснию. Убедив царя не проводить мобилизацию, он с удовлетворением отметил: «Сегодня мне удалось спасти Россию от гибели».

Но Столыпину не удалось довести до конца задуманную реформу. Черносотенцы и влиятельные придворные круги относились к нему крайне враждебно. Они считали, что он уничтожает традиционный жизненный уклад России. После подавления революции Столыпин стал терять поддержку царя.

После взрыва бомбы на Аптекарском острове. 1906 г.

В это время он с горечью сказал в частной беседе: «Мой авторитет подорван, меня поддержат, сколько будет надобно, для того, чтобы использовать мои силы, а затем выбросят за борт».

В августе 1911 г. в Киеве начались торжества по случаю введения земств в западных губерниях России. Открывался памятник Александру II. В город прибыли множество важных гостей, государь с семьёй, Столыпин и другие министры. Их охрану обеспечивал товарищ (заместитель) министра внутренних дел Павел Курлов, давний противник Столыпина.

Николай II всячески подчёркивал свою нерасположенность к главе правительства. Когда Столыпин прибыл в Киев, царь не пригласил его в автомобиле своей свиты. Премьер-министру даже не подали экипажа, и ему самому пришлось искать извозчика. Городской голова, свидетель этого неслыханного происшествия, предоставил ему собственный экипаж. Рассказывали, что друг царской семьи Г. Распутин, увидев его в экипаже, вдруг закричал так, что этот крик услышала толпа: «Смерть за ним! Смерть за

«СТОЛЫПИНСКИЕ ГАЛСТУКИ»

В ноябре 1907 г. кадет Фёдор Родичев, говоря о военно-полевых судах, в пылу полемики назвал верёвки для приговорённых к повешению «столыпинскими галстуками». Это вызвало бурное возмущение правого большинства депутатов III Государственной думы. Оскорблённый П. Столыпин вышел из зала. Он сказал, что не хочет остаться в памяти своих детей с кличкой Вешателя и намерен вызвать Ф. Родичева на дуэль. Растерявшийся и смущённый Родичев был вынужден извиниться перед Столыпиным. Тот сказал ему: «Я Вас прощаю».

Несмотря на такую развязку, упомянутое выражение не забылось и вскоре было подхвачено всей революционной прессой.

ДМИТРИЙ БОГРОВ

Убийцей Петра Столыпина стал 24-летний анархист Дмитрий Богров. Относительно личности Богрова долгие десятилетия после его казни шли непрекращающиеся споры. С 1907 г. он служил в Киевском охранном отделении секретным сотрудником и выдавал охранке своих товарищей-анархистов. Однако, совершая покушение в театре, на виду у множества людей, террорист шёл на неизбежную смерть. Как объяснить такой поступок сотрудника охранки?

В своих письмах, написанных накануне покушения на Столыпина, Богров так объяснял свои намерения: «Нет никакого интереса к жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. Хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное...».

Одни историки считают, что Богров ввёл в заблуждение сотрудников охранного отделения, чтобы проникнуть в театр и выстрелить в Столыпина. По мнению других, охранка и Павел Курлов, зная о желании царского окружения избавиться от Столыпина, использовали Богрова как пешку в своей игре. Известны слова родственника Столыпина А. Нейдгарда о том, что премьер-министра убила «охранная пуля».

9 сентября Дмитрий Богров предстал перед Киевским окружным военным судом. Заседание проходило при наглухо закрытых дверях. На рассвете 12 сентября Богров был повешен. Поспешность и закрытость следствия и суда над Богровым уже тогда не могли не вызвать недоумения в обществе. Советский историк Арон Аврех замечал по этому поводу: «Молниеносность расправы характерна, как показывает исторический опыт, всегда в одном и том же случае: когда нужно скрыть какую-то правду, очень нежелательную каким-нибудь весьма влиятельным лицам».

ним едет! За Петром... за ним!». По городу поползли мрачные слухи.

1 сентября царь, премьер-министр и все сановные гости слушали оперу Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» в Киевском оперном театре. Казалось, на представление могли попасть только проверенные люди. Более 30 входных билетов получили сотрудники охраны.

В антракте Столыпин подошёл к барьеру, отделяющему оркестровую яму от зрительного зала. Он облокотился на него и беседовал с другими министрами. Мало кто заметил молодого человека в чёрном фраке, который поднялся со своего места в 18-м ряду и направился по центральному проходу к министрам. Карман он прикрывал театральной программкой. Быстро подойдя к Столыпину на расстояние двух-трёх шагов, человек во фраке выхватил из кармана револьвер и дважды выстрелил в упор.

Одна пуля попала Столыпину в руку, прошла насквозь и ранила скрипача в оркестре, вторая раздробила Владимирский крест на груди Петра Аркадьевича и, изменив прямое направление в сердце, попала в живот. На белом летнем сюртуке премьер-министра расплылось яркое пятно крови... Однако Столыпин сохранил самообладание. С горькой улыбкой он повернулся к царской ложе, в которую на звук выстрелов выбежал Николай, перекрестил её и тяжело опустился в кресло.

Стрелявший был немедленно схвачен. Жандармам едва удалось отбить его от публики, готовой растерзать убийцу. Им оказался 24-летний Дмитрий Богров, анархист и секретный сотрудник охраны. Входной билет ему выдало охранное отделение.

Вечером 5 сентября 1911 г. Пётр Столыпин скончался. Императрица сказала новому главе правительства Владимиру Коковцову, сменившему Столыпина: «Он умер, потому что провидение судило, что в этот день его не станет. Не говорите о нём больше никогда». Она отказалась пойти помолиться у его гроба, и Николай II тоже не присутствовал на погребальной церемонии. Похоронили Петра Аркадьевича в Киево-Печерской лавре. Однако уже через год Столыпину были воздвигнуты памятники в Киеве, Гродно и Самаре.

Незадолго до покушения Столыпин предчувствовал свою скорую смерть и её последствия: «После моей смерти одну ногу вытащат из болота — другая завязнет». Действительно, начатая им земельная реформа закончилась неудачей — мощный «класс мелких собственников» в России так и не был создан.

В оценке незаурядности этой фигуры позднее сходились как поклонники, так и противники Столыпина. Он далеко превосходил по масштабам своей деятельности других политиков России той эпохи. В отличие от них Пётр Столыпин пытался по своему направлять развитие общества, а не шёл вслед за ним; однако он потерпел в этом поражение.

СТОЛЫПИНСКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

В I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

I Государственная дума собралась в апреле 1906 г., когда почти по всей России пылали усадьбы, не утихали крестьянские волнения. Как отмечал премьер-министр Сергей Витте, «самая серьёзная часть русской революции 1905 г., конечно, заключалась не в фабричных забастовках, а в крестьянском лозунге: „Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы её работники“». В столкновение пришли две мощные силы — землевладельцы и землепашцы, дворянство и крестьянство. Теперь Дума должна была попытаться разрешить земельный вопрос — самый жгучий вопрос первой русской революции.

Если в деревнях проявлениями борьбы были поджоги усадеб и массовые порки крестьян, то в Думе кипели словесные сражения. Депутаты-крестьяне горячо требовали передачи земли в руки земледельцев. Им столь же страстно возражали представители дворянства, отстаивавшие неприкосновенность собственности.

Депутат от кадетской партии князь Владимир Оболенский рассказывал: «В центре внимания первой Думы стояла земельная проблема. Среди массы скучных и однообразных крестьянских речей была произнесена одна, произведшая на нас потрясающее впечатление. Это была речь тамбовского крестьянина Лосева. Он рассказал историю Самсона, ослеплённого филистимлянами и прикованного к колонне храма. Русский народ — это слепой Самсон. Он чувствует свою силу, но, прикованный, не может себе помочь... И вот настал последний срок развязать руки могучему Самсону. А то повторится библейская история, когда он сказал: „Уми, душа моя, вместе с филистимлянами“, — и потряс колонну, к которой был прикован. И храм рухнул, погребя под своими развалинами и филистимлян, и Самсона... Впечатление от этой речи было так сильно и так неожиданно, что с минуту мы все сидели как зачарованные и никто не аплодировал».

Преобладавшие в I Думе кадеты постарались найти «средний путь», примирить враждующие стороны. Кадеты предлагали передать часть земли крестьянам — но не бесплатно, а за выкуп. Речь шла не только о помещичьих, но и о казённых, церковных и иных землях. В то же время кадеты подчёркивали, что надо сохранить «культурные помещичьи хозяйства».

УБИЙСТВО ГЕРЦЕНШТЕЙНА

Председателем земельной комиссии в I Думе был депутат от кадетской партии профессор Михаил Герценштейн. Ему приходилось выдерживать суровую критику и справа, и слева. Например, социалист Алексей Пешехонов с негодованием называл Герценштейна «идеологом помещичьего хозяйства и отъявленным буржуем». Справа, со стороны дворян-монархистов, критика звучала ещё более резко.

М. Герценштейн своими острыми выступлениями вызывал особенную враждебность дворян. Однажды, выступая в Думе, Михаил Яковлевич спросил, обращаясь к правым депутатам: «Неужели господам дворянам более нравится то стихийное, что уже с такой силой прорывается повсюду? Неужели планомерной и необходимой государственной реформе вы предпочитаете „иллюминации“, которые теперь вам устраивают в виде поджогов ваших скирд и усадеб? Не лучше ли разрешить наконец в государственном смысле этот больной и нескончаемый вопрос?». Писатель Владимир Короленко вспоминал об этом выступлении: «Да, это была правда. Но, во-первых, она была слишком горька, а во-вторых, это говорил Герценштейн, человек с типично еврейским лицом и насмешливой манерой. Трудно представить себе ту бурю гнева, которая разразилась при этих словах на правых скамьях. Слышался буквально какой-то рёв. Над головами поднимались сжатые кулаки, прорывались ругательства, к оратору кидались с угрозами, между тем как на левой стороне ему аплодировали». Особен-

ное негодование правых вызывало пушенное М. Герценштейном словечко «иллюминации».

Боевики из черносотенного «Союза русского народа» решили убить ненавистного «председателя от жидов», как они прозвали Герценштейна. После роспуска Думы М. Герценштейн вместе с другими депутатами находился в Финляндии. Туда и отправились боевики-черносотенцы. 18 июля 1906 г., когда Михаил Яковлевич прогуливался вместе с семьёй, его застрелили из засады. Одна из двух выпущенных пуль ранила в руку его маленькую дочь. Убийство М. Герценштейна стало самым известным из терактов черносотенцев.

Как вспоминал жандармский генерал А. Герасимов, петербургский градоначальник фон дер Лауниц знал о готовящемся покушении и выплатил за него боевикам две тысячи рублей. Конечно, о привлечении Лауница к ответственности не могло быть и речи. По словам Герасимова, премьер-министр Пётр Столыпин, узнав о происшедшем, «брезгливо поморщился»: «Я скажу, чтобы Лауниц бросил это дело...» (т. е. прекратил помогать боевикам).

Спустя три года троих участников покушения арестовали. Финский суд приговорил их к шести годам заключения. Однако спустя несколько месяцев двоих осуждённых помиловал государь Николай II.

Предложения кадетов жёстко критиковались с обеих сторон. Правые депутаты видели в них покушение на право собственности. Левые считали, что землю надо передать крестьянам без выкупа — даром. Правительство также категорически отвергало кадетский проект. К лету 1906 г. борьба достигла предельной остроты. Власти решили подтолкнуть ситуацию к развязке. 20 июня появилось заявление правительства о том, что никакого нарушения прав землевладельцев оно не допустит. Это вызвало взрыв негодования среди большинства депутатов. 6 июля Дума выступила с декларацией, в которой подтверждалось намерение передать часть помещичьих земель крестьянам. Ответом властей на это стал роспуск Думы. Высочайший указ о роспуске последовал три дня спустя, 9 июля 1906 г.

«ВОЙНА ЗА ЗЕМЛЮ»

До революции 1905—1907 гг. в русской деревне уживались две различные формы владения землёй: с одной стороны, частная собственность помещиков, с другой — общинная собственность крестьян. При этом у дворянства и крестьян сложились два противоположных взгляда на землю, два устойчивых мировоззрения.

Помещики считали, что земля — такая же собственность, как и любая другая. Они не видели никакого греха в том, чтобы её продавать и покупать. Крестьяне думали иначе. Они твёрдо верили, что земля «ничья», Божья, а право пользоваться ею даёт только труд. Этому вековому представлению отвечала сельская община. Вся земля в ней делилась между семьями «по числу едоков». Если численность семьи сокращалась, уменьшался и её земельный надел.

До 1905 г. государство поддерживало общину. С неё было гораздо проще взимать различные повинности, чем с множества отдельных крестьянских хозяйств. С. Витте замечал по этому поводу: «Легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности». Община считалась самой надёжной опорой самодержавия в деревне, одним из «китов», на которых держался государственный строй.

Но напряжение между общинной и частной собственностью постепенно нарастало. Население увеличивалось, и участки крестьян становились всё меньше и меньше. Этот жгучий недостаток земли называли *малоземельем*. Невольно взгляды крестьян обращались на дворянские имения, где земли было много. К тому же эту собственность крестьяне считали изначально несправедливой, незаконной. «Надо помещичью землю отобрать и присоединить к общинной!» — убеждённо повторяли они.

В 1905 г. эти противоречия вылились в настоящую «войну за землю». Крестьяне «всем миром», т. е. всей общиной, шли громить дворянские усадьбы. Власти подавляли волнения, посылая в места беспорядков военные экспедиции, производя массовые порки и аресты. Из «исконного устоя самодержавия» община неожиданно превратилась в «очаг бунта». Прежнему мирному сосуществованию общины и помещиков пришёл конец.

ЗАМЫСЕЛ РЕФОРМЫ

В ходе крестьянских волнений 1905 г. стало ясно, что сохранять прежнее положение в деревне невозможно. Общинная и частная собственность на землю не могли дольше уживаться рядом.

В конце 1905 г. власти всерьёз рассматривали возможность пойти навстречу крестьянским требованиям. Генерал Дмитрий Трепов говорил тогда: «Я сам помещик и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убеждён, что только при этом условии я сохраню за собою вторую половину». Но в начале 1906 г. произошёл перелом в настроениях. Оправившись от потрясения, правительство избрало противоположный путь.

Возникла идея: что, если не уступать общине, а, наоборот, объявить ей беспощадную войну? Речь шла о том, чтобы частная собственность перешла в решительное наступление против общинной. Особенно быстро, за несколько месяцев, эта идея завоевала поддержку дворянства. Многие землевладельцы, прежде горячо поддерживавшие общину, теперь оказались её непримиримыми противниками. «Община является зверем, и с этим зверем надо бороться», — категорически заявлял известный дворянин-монархист Н. Марков. Главным выразителем настроений, направленных против общины, стал председатель Совета Министров Пётр Столыпин. Он призывал «дать крестьянину свободу трудиться, богатеть, избавить его от кабалы отживающего общинного строя». В этом и заключалась главная идея земельной реформы, которую называли столыпинской. Предполагалось, что зажиточные крестьяне превратятся из общинников в «маленьких помещиков». Тем самым община будет взорвана изнутри, разрушена. Борьба между общинной и частной собственностью завершится победой последней. В стране возникнет новый слой крепких собственников — «прочная опора порядка».

УКАЗ 9 НОЯБРЯ И II ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

О начале земельной реформы возвестил правительственный указ от 9 ноября 1906 г., принятый в чрезвычайном порядке, минуя Государственную думу. Согласно этому указу, крестьяне получили право выйти из общины со своей землёй. Они могли также продать её. П. Столыпин считал, что эта мера в скором времени разрушит общину. Он говорил, что указом «зложено основание нового крестьянского строя».

В феврале 1907 г. была созвана II Государственная дума. В ней, как и в I Думе, земельный вопрос оставался в центре внимания. Отличие состояло в том, что теперь «дворянская сторона» не только защищалась, но и наступала. Правый депутат князь Д. Святополк-Мирский заметил, что дворянские хозяйства во много раз культурнее крестьянских. «Сохраните и поддержите частных владельцев, — призывал он. — Наша серая, тёмная крестьянская масса без помещиков — это стадо без пастыря». На это едко возразил крестьянин-монархист Ф. Петроченко: «Здесь кто-то из ораторов указывал, что крестьяне наши темны и невежест-

КРЕСТЬЯНСКИЙ БАНК И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Противники столыпинской земельной реформы говорили, что она проводится по принципу: «Богатым прибавится, у бедных отнимется». Однако по замыслу сторонников реформы крестьяне-собственники должны были увеличивать свои наделы не только за счёт сельской бедноты. В этом им помогал Крестьянский банк, скупавший земли у помещиков и мелкими участками продававший их крестьянам. Многие дворяне, обедневшие или обеспокоенные крестьянскими беспорядками, охотно продавали свои земли. Вдохновитель реформы Пётр Столыпин, чтобы подать пример, сам продал одно из своих имений. Таким образом, банк выступал посредником между продавцами земли — дворянами и её покупателями — крестьянами. Конечно, купить землю даже через банк, с выплатой в рассрочку, могли себе позволить только зажиточные крестьяне.

Помимо скупки и перепродажи земли столыпинская реформа имела другое важное направление — массовое переселение крестьян на восточные окраины страны. Тем самым уменьшалась «земельная теснота» в европейской части России, «выпускался пар» недовольства. За 11 лет реформы на свободные земли Сибири и Средней Азии переселилось свыше 3 млн человек. В 1908 г. число переселенцев было наибольшим за все годы реформы и составило 665 тыс. человек.

Однако затем волна переселенцев стремительно пошла на убыль. Не всем оказалось под силу освоение новых земель. Назад, в Европейскую Россию, двинулся обратный поток переселенцев. Возвращались полностью разорённые бедняки, не сумевшие прижиться на новом месте. Всего таким образом вернулось около 550 тыс. человек.

Именно в годы массовых переселений появилось выражение «столыпинский вагон». Их начали строить в 1908 г. специально для переезда крестьян за Урал. Позднее, в советское время, вагоны такого типа использовали для перевозки заключённых.

ПЕРЕПИСКА СТОЛЫПИНА И ТОЛСТОГО

26 июля 1907 г. Лев Толстой направил письмо Петру Столыпину. В нём писатель страстно защищал крестьянское отношение к земле, призывал «уничтожить вековую, древнюю несправедливость» — земельную собственность. Л. Толстой доказывал: «Как не может существовать права одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землёю как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею». Лев Николаевич резко критиковал столыпинскую земельную реформу как идущую в противоположном направлении. «Дорога, по которой Вы, к сожалению, идёте, — писал он, — дорога злых дел, дурной славы и, главное, греха».

Пётр Аркадьевич ответил на это письмо не сразу, а только спустя полгода. После напоминания Л. Толстого он написал ему: «Лев Николаевич... Не думайте, что я не обратил внимания на Ваше первое письмо. Я не мог на него ответить, потому что оно меня слишком задело. Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие „собственности“ на землю у крестьян создаёт всё наше неустройство».

Природа вложила в человека некоторые врождённые инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т. п., и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаивать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землёю. Искусственное в этом отношении скопление нашего крестьянина, уничтожение в нём врождённого чувства собственности ведёт ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств...».

П. Столыпин подчеркнул, что не видит смысла «сгонять с земли более развитой элемент землевладельцев». Наобо-

венны и бесполезно им давать много земли... Что мы невежественны, так мы ничего иного и не просим, как земли, чтобы по своей глупости в ней же ковыряться. Дворянину и неприлично возиться с землёй». Ф. Петроченко заключил с эпической простотой: «Сколько прений ни ведите, другого земного шара не создадите. Придётся, значит, эту землю нам отдавать...».

Большинство депутатов во II Думе ещё более твёрдо, чем в I Думе, выступали за передачу крестьянам части дворянских земель. П. Столыпин решительно отверг подобные проекты: «Не напоминает ли это историю тришкина кафтана: обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?». Разумеется, II Дума не проявила желания одобрить столыпинский указ от 9 ноября. Среди крестьян в связи с этим ходили упорные слухи, что выходить из общины нельзя — вышедшим не достанется помещичьей земли.

В марте 1907 г. император Николай II в письме к матери замечал: «Всё было бы хорошо, если бы то, что творится в Думе, оставалось в её стенах. Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает. Во многих местах уже опять заговорили о земле и ждут, что скажет Дума по этому вопросу... Нужно дать ей договориться до глупости или до гадости и тогда — хлопнуть».

Позиция II Думы в земельном вопросе стала основной причиной её роспуска 3 июня 1907 г.

ПОПЫТКИ РАЗРУШЕНИЯ ОБЩИНЫ

С конца 1906 г. государство начало мощное наступление на общину. Крестьяне теперь могли выходить из неё и получать землю в полную собственность. Им отрезали от общинной земли участки — *отруба*. Богатые крестьяне на те же участки переносили свои усадьбы — это называлось *хуторами*. Власти считали хутора идеальной формой землевладения. Со стороны хуторян, живших обособленно друг от друга, можно было не опасаться бунтов и волнений.

После начала реформы из общины устремились многие бедняки, которые тут же продавали свою землю и уходили в города. Зажиточные крестьяне с выходом не спешили. Чем это объяснялось? Прежде всего уход из общины ломал привычный уклад жизни и всё мировоззрение крестьянина. Община защищала его от полного разорения и многих иных превратностей судьбы. Например, в общине крестьянин меньше зависел даже от капризов погоды. Каждая семья имела несколько разрозненных полос земли: одну в низине, другую на возвышенности и т. д. (такой порядок называли *чересполосицей*). В засуху лучший урожай собирали в низинах, а в дождливое лето — на возвышенностях. Тем самым уменьшалась опасность неурожая.

После выхода крестьян на отруба или хутора прежняя «страховка» от неурожая исчезала. Теперь всего один засушливый или чересчур дождливый год мог принести нищету и голод. Чтобы подобные опасения у крестьян исчезли, выходящим из общины

стали нарезать лучшие земли. Естественно, это вызывало возмущение остальных общинников. Между теми и другими быстро нарастала враждебность. Число вышедших из общины стало постепенно уменьшаться.

В III Думе, созванной в 1907 г. по новому избирательному закону (ограничившему представительство малоимущих), царили совершенно иные настроения, чем в первых двух. Эту Думу называли «столыпинской». Она не только одобрила указ от 9 ноября, но пошла ещё дальше самого П. Столыпина. Чтобы ускорить разрушение общины, Дума объявила распущенными все общины, где более 24 лет не происходило земельных переделов. Но крестьянская община оказалась гораздо сильнее и жизнеспособнее, чем предполагало правительство. Большинство крестьян не желало покидать её, несмотря на нажим. Там, где власти распускали общину силой, это вызывало бунты. От рук крестьян погибали чиновники, проводившие земельный передел. В ответ полиция выстрелами разгоняла сельские сходы.

За 11 лет столыпинской реформы из общины вышло 26% крестьян. 85% крестьянских земель осталось за общиной. По существу это означало, что реформа не увенчалась успехом. Община устояла в столкновении с частной земельной собственностью, а после Февральской революции 1917 г. перешла в решительное наступление. Теперь борьба за землю вновь находила выход в поджогах усадеб и убийствах помещиков, происходивших с ещё большим ожесточением, чем в 1905 г. «Тогда не довели дело до конца, остановились на полдороге? — рассуждали крестьяне. — Ну уж теперь не остановимся и истребим всех помещиков под корень».

В ходе революции и гражданской войны общинное землевладение одержало решительную победу. Однако десятилетие спустя, в конце 20-х гг., вновь вспыхнула острая борьба между крестьянской общиной и государством (см. ст. «Коллективизация»). Итогом этой борьбы стало уничтожение общины.

рот, надо крестьян превратить в настоящих собственников.

Свое письмо Пётр Аркадьевич заканчивал так: «Впрочем, не мне Вас убеждать... Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно, на один миг! Я хочу всё же этот миг использовать по мере своих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили её в старину. Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путём. Сознаю, что всё это пишу Вам напрасно, — это и было причиной того, что я Вам не отвечал... Простите. Ваш П. Столыпин».

КРЕСТЬЯНСКИЕ БУНТЫ ПРОТИВ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Напряжённость в деревне в годы земельной реформы часто порождала крестьянские бунты. Беспорядки обычно происходили, когда землемеры начинали выделять из общинных земель участки «новых собственников».

Характерным примером таких волнений может служить бунт, вспыхнувший в 1910 г. в Тамбовской губернии. Вот как описывал события тамбовский губернатор Н. Муратов: «13 мая в селе Волотове при производстве межевых работ толпа баб и подростков из семейств общинников вилами прогнала

с поля землемера. Сегодня (15 мая) утром исправник в Волотове произвёл арест 13 человек, которые были окружены стражниками. Толпа в несколько сот человек бросилась освобождать арестованных, кидая в стражников камнями. По команде открыта была стрельба. Убито четверо, ранено девять...». 11 крестьян были осуждены на несколько месяцев заключения.

А вот другой случай, также довольно типичный. Под Самарой, в селе Домашки, в августе 1911 г. толпа крестьян стала мешать землемерам — уничтожать межевые знаки. Полиция разогнала толпу нагайками.

Через несколько дней межевание возобновилось. Тогда в селе ударили в церковный колокол. Крестьянин Лукьян Гончаров призывал односельчан: «Бейте в набат, берите вилы, колья. Что вы стоите? Идите бить стражу и собственников!». Общинники с вилами и кольями двинулись на землемеров. Прогревели первые выстрелы полицейских. Крестьяне в ответ озлобленно кричали: «Всех не перестреляете — патронов не хватит!». Тогда по ним открыли огонь на поражение — три человека погибли, многие получили ранения.